

от Церкви, угодные советской власти. Перечисленные мероприятия значительно ослабили приходскую жизнь в Иркутской области в 1960–80-х гг.

Примечания

1. ГАНИИО Ф. 5397. Оп. 5. Д. 15. Л. 40.
2. ГАИО Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 70. Л. 43.
3. Архив отдела этноконфессиональных отношений Управления губернатора Иркутской области и правительства Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям (АОЭОИО) Оп. 2. Д. 13. Л. 16 об.
4. ГАИО Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 86. Л. 44.
5. Там же. Д. 90. Л. 119.
6. АОЭОИО Оп. 2. Д. 5. Л. 2, 35
7. ГАИО Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 63. Л. 30.
8. Там же. Д. 98 а. Л. 5.
9. Там же. Оп.1. Д. 63. Л. 25.

СТЕПАНОВА (ШЕНМАЙЕР) Н. Г.

ВОСТОЧНО-СИБИРСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТОРГА НАЧАЛА XX В. В СТЕНОГРАФИЧЕСКИХ ОТЧЕТАХ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Стенографические отчеты российской Государственной думы представляют интерес для исследователей карательной политики российского самодержавия и революционного движения, содержат разноплановую информацию по вопросам финансирования, хозяйственно-бытового положения, особенностей правового режима каторжных тюрем Восточной Сибири [1]. В предлагаемой статье рассмотрен только один аспект проблемы – отношение депутатов Государственной думы к вопросам содержания политических заключенных в каторжных тюрьмах Забайкалья [2] и Иркутской губернии [3] в начале XX в.

В 1906 г., в соответствии с требованиями циркуляра Главного тюремного управления от 16 декабря за № 24, администрация восточно-сибирской каторги стала вводить в тюрьмах режим, предусмотренный законом. Это означало, что каторжан разряда испытуемых попытались содержать в закрытых камерах в кандалах и выводить их на прогулки небольшими группами. На что политкаторжане ответили протестами. Поскольку за неподчинение предусматривались разного рода наказания, то 2 и 5 марта

1907 г. каторжане, переведенные из Акатуя в Алгачинскую тюрьму, не подчинившиеся требованиям тюремного режима, были наказаны физически. Начальник Алгачинской тюрьмы Бородулин приказал их выпороть. Произведенная физическая расправа над политкаторжанами вызвала ответную реакцию: началась активизация работы политических партий и экстремистских групп на воле и среди каторжан, была проведена террористическая операция по физическому уничтожению «основных виновников алгачинской трагедии» – управляющего забайкальскими каторжными тюрьмами Метуса и начальника Алгачинской тюрьмы Бородулина. События получили широкую огласку не только в России, но и за границей.

На события в Алгачинской тюрьме Нерчинской каторги незамедлительно отреагировали депутаты левого блока Государственной думы. 5 апреля 1907 г. в Госдуму за подписью 32 депутатов от группы социалистов-революционеров был подан срочный запрос по поводу избиения в марте политзаключенных Алгачинской тюрьмы. Правительство вынуждено было назначить прокурорское расследование на месте произошедших событий. Уже через месяц, т. е. 7 мая того же года, был заслушан доклад министра юстиции по результатам расследования, обсуждение которого вылилось в бурную дискуссию. Депутаты леворадикальных политических взглядов разоблачали реакционную правительственную политику, характеризуя ее как политику мести самодержавия своим политическим противникам, заточенным в тюрьмах Сибири. Депутаты центрального блока Госдумы впервые с думской трибуны подняли вопрос о необходимости пересмотра российского законодательства о ссылке, подчеркивая, что только изменение законов, регулирующих механизм функционирования каторжных тюрем империи, способно изменить устаревшие нормы содержания ссыльнокаторжных. Они призывали к скорейшему пересмотру устаревших инструкций и подготовке новых законов, соответствующих современным требованиям. В целом же, кадетско-либеральный состав Государственной думы второго созыва predetermined принятое решение – необходимость скорейшего изменения устаревших условий содержания заключенных в каторжных тюрьмах страны, которое ни этим составом депутатов, ни тем более третьим или четвертым составами Госдумы так и не было реализовано на практике.

В стенографических отчетах Государственной думы третьего и четвертого созывов прозвучали несколько иные акценты в оценках трагедий, разыгравшихся в каторжных тюрьмах Восточной Сибири в 1910–1914 гг.

С 1909 г. внимание Главного тюремного управления (ГТУ) было сосредоточено на укреплении материально-технической базы каторжных тюрем страны, расширении штата тюремных надзирателей и внешней охраны для повсеместного перевода тюрем на строгий режим, активной борьбы на каторге с либеральными тюремными порядками [4]. Приведение в каторжных тюрьмах Восточной Сибири режима содержания заключенных в соответствие с существующими правовыми нормами началось с Горного Зерентуя. В 1909 г. в тюрьме был введен целый ряд запретов: на свободное передвижение из одной камеры в другую, прогулки во дворе и поступление с воли материальной помощи для политкаторжан. Не допускалось пользование личными деньгами свыше 3 руб. в месяц и личными вещами, стали чаще проводиться обыски, а солдатам был отдан приказ открывать стрельбу по окнам арестантских камер, если они замечали стоящего у окна человека [5]. В ноябре 1910 – летом 1911 гг. репрессии в Горном Зерентуе достигли наивысшего подъема.

27 ноября 1910 г. в должность начальника Горно-Зерентуйской тюрьмы вступил И. И. Высоцкий. Среди арестантов об этом человеке ходили легенды. Рассказывали, что в Николаевском центре под его руководством заключенных пытали при помощи раскаленного железа. В Горно-Зерентуйской каторжной тюрьме И. И. Высоцкий установил «новые» требования. По команде «Смирно!» каторжане должны были встать и выстроиться, в ответ на приветствие администрации – желать ей «здравия», величать чиновников «Ваше превосходительство», отвечать при обращении на «ты» и петь молитвы. Арестантов, не желавших подчиняться требованиям, лишали прогулок, выписки табака, переписки с «волей», наказывали карцером и розгами. В это же время были закрыты вольная школа и тюремные мастерские. Подобные события происходили в 1911–1912 гг. в Алгачинской, а в 1912 г. – в Кутомарской каторжных тюрьмах Забайкалья.

Во всех вышеназванных случаях политкаторжане по отлаженным каналам связи информировали общественность страны об изменении тюремного режима в каторжных тюрьмах Восточ-

ной Сибири, борьбе политических каторжан и репрессиях администрации каторги. Телеграммы и письма об истязаниях политкаторжан Восточной Сибири в 1907, 1910–1912 гг. поступали депутатам Государственной думы – социалистам-революционерам, трудовикам и в социал-демократическую фракцию.

Весной 1909 г. депутаты левого корпуса подали заявление о запросе по поводу незаконных действий в России тюремных служащих, но черносотенным большинством парламента спешность запроса была отклонена, а заявление передано в комиссию по запросам.

29 ноября 1910 г. социал-демократическая фракция и трудовая группа на имя министров юстиции и внутренних дел подали очередной запрос, в котором предлагалось разобраться со случаями истязаний осужденных Вологодской и Горно-Зерентуйской тюрем и отчитаться перед депутатами о принятых правительством мерах по изменению режима в этих местах заключения. И вновь черносотенно-октябристским большинством запрос был отклонен. И только в марте 1911 г., при обсуждении и принятии в Думе расчетных смет по тюремной части Министерства юстиции, социал-демократами и трудовиками были изложены подробности ужесточения с 1909 г. условий содержания политических узников Нерчинской каторги и осуждены действия высшего тюремного руководства.

Отношение депутатов Государственной думы к трагедиям, разыгравшимся на Нерчинской каторге в 1910–1912 гг., определялось их политическими убеждениями. Депутаты легальных демократических партий, как и в 1907 г., разоблачали репрессивную политику российского правительства, используя трибуну парламента в качестве официального канала информирования соотечественников и общественности Западной Европы о насущных проблемах политических противников самодержавия в местах их заключения. «Правительство мстит своим врагам, постоянными придирками и издевательствами доводит своих связанных пленников до отчаяния, вызывает с их стороны протесты, а потом расправляется со своими жертвами», – примерно в такой форме выступали парламентарии левого крыла Думы. Они цитировали тексты телеграмм и писем политкаторжан, требовали опубликовать полные тексты прокурорских расследований, проводимых на Нерчинской каторге. Неумение порой грамотно составить и обосновать подаваемый запрос становилось поводом

для критики их со стороны оппозиции. В то же время необходимо отметить выступления эсера А. Ф. Керенского – профессионального юриста и политика. В 1912 г. (сразу же после кровавых событий, произошедших на Нерчинской каторге) 64 представителя левого корпуса парламента подали в Госдуму запрос по поводу незаконных действий администрации Орловской, Алгачинской и некоторых других каторжных тюрем России. В обосновании заявления «об обращении к министрам внутренних дел и юстиции, по отношению к заключенным», представленном А. Ф. Керенским, были приведены факты истязания заключенных и содержания их в неотопливаемых карцерах, где при минусовой температуре человек обречен на смерть. Проводимые (на основании циркуляров и инструкций Главного тюремного управления) мероприятия по размещению в общих камерах политических и уголовных заключенных оценены А. Ф. Керенским как продуманная акция физического уничтожения политических врагов самодержавия руками уголовников. Анализируя текст инструкции, составленной для администрации Нерчинской каторги тюремным инспектором Забайкальского военного округа А. И. Кияшко, А. Ф. Керенский обратил внимание на превышение служебных полномочий тюремными руководителями. В целом же, было доказано нарушение российского законодательства администрацией забайкальских каторжных тюрем. Но, несмотря на обстоятельное обоснование А. Ф. Керенским спешности рассмотрения вопроса, он был отложен. Возможность вынести его на обсуждение российского парламента появилась у депутатов левого корпуса только весной 1914 г.

Центристы по-прежнему видели первооснову положительных перемен на каторге в принятии новых законов, где был бы введен статус политического заключенного и прописаны все возможные варианты и нюансы тюремного режима. Прежде всего, критика либеральной буржуазии была обращена на содержание действующих законов, в которых многие моменты организации режима каторги не были регламентированы и находились в области усмотрения тюремной администрации, а в целом – правительства России.

Демократам и либералам противостояло дворянско-монархическое большинство депутатов третьей и четвертой Государственной думы. Поскольку статьи 472 и 443 «Устава о

ссылных» допускали наказание каторжан розгами и одиночным заключением, то эти парламентарии оценивали действия администрации Нерчинской каторги законными, а поведение политкаторжан характеризовалось как агрессивное и провоцирующее конфликты. Их отношение к политкаторжанам, использующим в своих протестах экстремистские методы борьбы с тюремной администрацией, можно проследить через выступление депутата Маркова на 27-м заседании третьей Думы 29 ноября 1910 г.: «Тут сообщают неизвестно зачем, что Сазонов умер. Кто такой Сазонов? Убийца Плеве? Я весьма сожалею и скорблю, что убийца достойного государственного деятеля Плеве в свое время не был повешен, и если умер теперь, я этому только радуюсь... Если Сазоновы, Коноплянниковы, Спиридоновы перевешаются и перетравятся все до единого, то туда им и дорога». Депутаты правого крыла Думы считали, что запросы по истязаниям политзаключенных Нерчинской каторги только отвлекают парламент от рассмотрения важных государственных вопросов и называли случаи насилия над политкаторжанами единичными, а факты, приводимые в запросах, – непроверенными и сильно преувеличенными. Они требовали уравнивать положение политических и уголовных заключенных.

Рассмотренные запросы, поданные министрам юстиции и внутренних дел России по случаям истязаний политических заключенных Нерчинской каторги в 1907–1912 гг., и их обсуждение депутатами парламента свидетельствуют о наличии связей политкаторжан с их партийными товарищами на воле и российской общественностью.

Впервые в истории российского государства парламентарии открыто выражали свое отношение к проблемам политической каторги. Протестуя против насилия, совершаемого в тюрьмах страны над политическими противниками самодержавия, народные избранники требовали пересмотра законодательства о политической каторге, принятия закона об отмене в пенитенциарных заведениях страны телесных наказаний. Обсуждения трагедий, разыгравшихся в каторжных тюрьмах Восточной Сибири в 1907–1912 гг., сопровождались предварительными расследованиями событий, а звучавшую с думской трибуны критику подхватывала либерально-демократическая пресса и широко оглашала в стране и за ее границами.

В результате изучения стенографических отчетов Государственной думы выявлены имена политкаторжан – участников сопротивления режиму, введенному в 1907, 1910–1912 гг. на Нерчинской каторге. Среди них: А. А. Бищенко, И. Н. Брильон, Б. И. Бродский, Л. В. Васильева, Л. П. Езерская, А. А. Измайлович, С. Н. Ильинский, П. В. Карпович, Х. И. Макаров, Г. Малиновский, Н. И. Маслов, П. Я. Михайлов, И. Ошко, Панов, М. К. Рыбников, Е. С. Сазонов, А. И. Стасенко, М. М. Школьник, А. Штильман и Р. М. Фиалка.

Примечания

1. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв II. Сессия II. Заседание XXII. СПб., 1907. Стб. 1602–1603; Заседание XXIII. СПб., 1907. Стб. 1665–1693; Заседание 34. СПб., 1907. Стб. 252–286; Созыв III. Сессия II. Ч. IV. Заседание 101–126. СПб., 1909. Стб. 1106–1126; Созыв III. Сессия IV. Заседание 27. СПб., 1910. Стб. 2215–2231; Созыв III. Сессия IV. Заседание 69. СПб., 1911. Стб. 3252–3276; Созыв IV. Сессия I. Заседание 17. СПб., 1913. Стб. 1129–1134; Созыв IV. Сессия I. Заседание 18. СПб., 1913. Стб. 1215–1241; Созыв IV. Сессия II. Заседание 55. СПб., 1914. Стб. 243–246; Созыв IV. Сессия II. Заседание 59. СПб., 1914. Стб. 476–505; Созыв IV. Сессия II. Заседание 84. СПб., 1914. Стб. 685–719.

2. Забайкальская каторга состояла из семи постоянных тюрем: 1-го разряда – Акатуйской, Алгачинской, Горно-Зерентуйской и Кадаинской, 2-го разряда – Александровской, Кутомарской и Мальцевской, а также из нескольких временных арестантских бараков, разбросанных на территории округа вблизи золотых приисков.

3. К каторжным тюрьмам Иркутской губернии относилась Александровская центральная каторжная тюрьма – Александровский централ.

4. Исаев М. М. Предстоящее преобразование каторги // Право. 1911. № 6. Стб. 327; Каторга в Сибири: Извлечение из отчета Начальника Главного Тюремного Управления С. С. Хрулева о служебной поездке, в 1909 году, в Иркутскую губ. и в Забайкальскую область // Тюремный вестн. Прил. к № 8–9. 1910; Михлин Е. Театр в Зерентуйской тюрьме // Каторга и ссылка. 1928. № 1. С. 92; Плесков В. Памятные дни // Каторга и ссылка. 1922. № 3; Право. 1908. № 30. Стб. 1654–1656; 1909. № 44. Стб. 2388; № 50. Стб. 2788–2789.

5. Тагаров З. Т. Протесты политических каторжан Зерентуйской, Алгачинской и Кутомарской тюрем в 1910–1912 годах // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск, 1981. Вып. 6. С. 67.